

УДК 316.621

И. С. Карпикова*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

ОСОБЕННОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОГО ИЖДИВЕНЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

АННОТАЦИЯ. Понятие социального иждивенчества в современной научной литературе и практике определяется как система жизненных установок индивида, способ его существования, при котором индивид удовлетворяет свои потребности за счет других. Данное понятие относится к социальным явлениям, имеющим длительную историю и напрямую связанным с формированием и развитием институтов социальной политики. Расширение спектра социальных гарантий в условиях развития социально-ориентированных государств привело к возрастающему распространению практик социального иждивенчества (welfare state dependency), в том числе в современной России. В то же время генезис возникновения подобного явления в нашей стране значительным образом отличается от опыта других государств. Данное обстоятельство дает основания полагать, что теоретическая интерпретация феномена социального иждивенчества может быть дополнена новыми аспектами, учитывающими специфику российского опыта. Статья посвящена рассмотрению содержания и соотношения понятий «социальное иждивенчество» и «социальный паразитизм». Также в работе рассмотрена специфика российских условий формирования и реализации практик социального иждивенчества и возможность их учета в рамках теоретической интерпретации изучаемого явления. Обоснована необходимость проведения теоретико-эмпирических исследований для более глубокого изучения феномена социального иждивенчества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Социальное иждивенчество; социальный паразитизм; социальная политика; социальная защита.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 10 октября 2017 г.; дата принятия к печати 19 декабря 2017 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2017 г.

ФИНАНСИРОВАНИЕ. Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский фонд фундаментальных исследований» на реализацию в 2017 г. научного проекта № 17-03-00477/17 «Влияние идей патернализма на поведенческие стратегии: исследование практик социального иждивенчества и социального паразитизма отдельных категорий населения» (протокол № 4 (186) от 15 марта 2017 г.).

I. S. Karpikova*Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation*

FEATURES OF THEORETICAL INTERPRETATION OF THE SOCIAL DEPENDENCY PHENOMENON IN TERMS OF RUSSIAN SOCIETY

ABSTRACT. The concept of social dependence is determined in contemporary scientific literature and practice as a system of individual's attitudes and the way of his existence, in which the individual satisfies his needs at the expense of others. This concept refers to social phenomena that have a long history and are directly related to formation and development of social policy institutions. An expansion of the social guarantees spectrum in terms of development of socially-oriented states results in an increasing outspread of social state dependence practices (welfare state dependency), including modern Russia. At the same time, the genesis of such a phenomenon in our country significantly differs from the experience of other countries. This

© И. С. Карпикова, 2017

Baikal Research Journal

электронный научный журнал Байкальского государственного университета

circumstance gives reason to believe that the theoretical interpretation of the social dependency phenomenon can be supplemented by new aspects that take into account the specifics of the Russian experience. The article is devoted to content and correlation of the concepts «social dependency» and «social parasitism». The paper also considers the specifics of Russian conditions for formation and implementation of social dependency practices and the possibility of taking them into account in terms of the theoretical interpretation of the phenomenon under study. The article explains the necessity of carrying out the theoretical and empirical research for a deeper study of the social dependency phenomenon.

KEYWORDS. Social dependence; social parasitism; social policy; social security.

ARTICLE INFO. Received October 10, 2017; accepted December 19, 2017; available online December 29, 2017.

ACKNOWLEDGEMENTS. The work is done with financial support from the Federal State Budgetary Institution «Russian Fund of Fundamental Research» for implementing in 2017 the scientific project № 17-03-00477/17 « The influence of the idea of paternalism on behavioral strategies: the study of social dependency practices and social parasitism of certain categories among population» (protocol № 4(186) of March 15, 2017).

В современной российской социозащитной практике тема социального иждивенчества, занимая значимое место, остается в большей степени декларируемой, нежели изученной, что подтверждается как относительно небольшим количеством публикаций, так и преобладанием в их числе публицистических материалов [1, с. 350]. В то же время актуальность данной темы в современной России будет только нарастать, что требует активизации усилий научного сообщества по проведению исследований феномена социального иждивенчества, предполагающих систематизацию и осмысление существующих теоретических наработок, а также проведение масштабных эмпирических исследований, результаты которых позволят определить специфику формирования и проявлений социального иждивенчества в российском обществе.

Трактовка понятия «социальное иждивенчество» до настоящего времени неоднозначна. Тем не менее, сформулированы несколько определений и основных концептуальных подходов к изучению данного феномена, изложение которых достаточно полно отражает сущность социального иждивенчества.

Основу иждивенчества всегда составляет ситуация зависимости индивида. Характер такой зависимости может быть весьма разнообразным, но по своей сути социальное иждивенчество всегда означает существование индивида, обеспечение его потребностей за счет других членов общества [2, с. 72; 3, с. 103; 4, с. 206]. Постулат об иждивенчестве как о зависимости разделяется практически всеми исследователями, тогда как рассмотрение природы подобной зависимости порождает разночтения в оценках и мнениях.

В самом общем виде существуют два концептуальных подхода к определению сущности социального иждивенчества, отражающие характер зависимости индивида от общества — объективный и субъективный. В рамках первого из них (объективного или социального) иждивенчество признается следствием объективных факторов (инвалидность, возраст, болезнь и др.), приводящих к недостатку средств существования и делающих индивидов «иждивенцами поневоле». В данном случае зависимость от общества носит вынужденный характер, а обеспечение нетрудоспособных средствами, необходимыми для жизнеобеспечения, берет на себя государство [5], тем более что некоторые из этих индивидов своим трудом и, соответственно, взносами из трудового дохода заработали право на выплаты из фондов социального страхования [6, с. 400; 7, с. 166; 8, с. 242].

Вынужденная зависимость в наибольшей степени характеризуется экономическим аспектом социального иждивенчества, поскольку в условиях современных социальных государств обязательства перед «иждивенцами поневоле» составляют «львиную долю» объемов социальных гарантий населению.

В некоторых работах ситуацию вынужденной зависимости определяют понятием «иждивенство», т.е. нахождение на чьем-либо иждивении. По мнению ряда авторов, термины «иждивенство», «иждивение» более точно отражают ситуацию вынужденной (объективной) зависимости, поскольку понятие «социальное иждивенчество» носит в значительной степени негативный оттенок [9; 4], характеризуя собой систему жизненных установок индивида, ориентирующую его на потребительское отношение к жизни и перекладывание ответственности за жизнеобеспечивающие решения на общество.

Подобное определение подводит нас к содержанию субъективного (психологического) подхода, рассматривающего социальное иждивенчество как сформированную жизненную позицию, перерастающую затем в устойчивое личностное качество. При этом иждивенец, потребляя общественный продукт (ресурсы), не предоставляет взамен ничего эквивалентного. В данной трактовке социальное иждивенчество представляет собой способ существования, при котором социальный субъект удовлетворяет свои потребности за счет других, имея возможность удовлетворять их самостоятельно.

В этом случае зависимость носит сознательный характер, а иждивенчество приобретает ярко выраженные черты социального паразитизма [2, с. 73; 3, с. 103; 4, с. 206]. Индивиды, относящиеся к числу «социальных паразитов» в силу возраста и состояния трудоспособности вполне могут решать проблемы собственного жизнеобеспечения самостоятельно [10], но предпочитают получать помощь от государства или других социальных субъектов, при этом зачастую выражая недовольство тем, что оказываемая помощь недостаточна для их благополучной жизни, и постоянно находясь в поисках того, кто мог бы их содержать.

Социальный паразитизм, или сознательная зависимость, возможно, менее обременительны для общества в экономическом смысле. В то же время социальный паразитизм «размывает» основу современной социальной политики, подрывает действие принципа социальной солидарности, нанося общественным устоям значительный урон. Поэтому в рамках субъективного подхода к определению социального иждивенчества особое внимание уделяется изучению ценностных установок и ощущений индивидов с опорой на теорию социальных действий М. Вебера. Поведение «социального паразита» укладывается в контекст ценностно-рациональных и целерациональных действий [11].

Среди других классических социологических теорий, составивших основу изучения социального иждивенчества в рамках субъективного подхода, также можно выделить теорию маргинальности и теорию девиантного поведения.

Теория маргинальности определяет социального иждивенца как маргинальную личность, характеризующуюся интегрированной совокупностью основных признаков «структурной маргинальности — периферийности» и «социального иждивенчества» как стратегии поведения, находящуюся в стадии стагнации, в которой отсутствуют позитивные аспекты социального развития [12, с. 127–128]. Данное явление определено как иждивенческий маргинализм, приводящий к тягелым последствиям как для личности, так и общества в целом [13]. Например, отказ от индивидуального развития и достижения социально значимых целей [4, с. 207], или установка на получение благ криминальным путем.

В рамках теории девиантного поведения [14] социальное иждивенчество рассматривается как образ жизни (социального поведения) индивида, который сознательно

стремится обеспечить для себя приемлемые условия существования в данном обществе за счет самого общества. Появление иждивенчества закономерно для общества, так как является следствием условий его функционирования, одновременно социальное иждивенчество в форме паразитизма выступает в качестве девиантного поведения, поскольку разрушительно для действующих социальных институтов.

Таким образом, проанализировав существующие подходы к определению социального иждивенчества, можем констатировать наличие следующих исследовательских позиций:

1) под социальным иждивенчеством, воспринимаемым в негативном ключе, понимается исключительно сознательная зависимость индивида, ситуация вынужденной зависимости описывается понятиями «иждивение» или «иждивенство»;

2) социальное иждивенчество включает в себя все виды зависимости, при этом сознательная зависимость определяется как социальный паразитизм, являющийся негативной формой социального иждивенчества.

Рассмотрение социального иждивенчества в историческом ракурсе дает возможность продолжения теоретической интерпретации данного феномена в ином ключе.

В истории человечества появление социального иждивенчества неразрывно связано с формированием и развитием институтов социальной политики [15; 9]. Первые проявления данного феномена наблюдались в Великобритании, где в конце XVIII в. расширение безвозмездной помощи государства гражданам повлекло за собой распространение среди них иждивенческих установок, выразившихся в ослаблении способности зарабатывать и нести ответственность за себя и свою семью при одновременном усилении экономической зависимости от государства. С развитием социально-ориентированных государств практики социального иждивенчества («welfare state dependency») получают все большее распространение, принимая разнообразные формы, и становятся неотъемлемым атрибутом государств всеобщего благоденствия.

Воплощение в жизнь многовековой мечты человечества о достойной жизни для всех обернулось ловушкой для государств благосостояния. Повышение уровня и качества жизни населения на основе расширения круга социальных гарантий и социальных обязательств государства, сопряженных с ростом финансовых затрат, со временем лишь усиливало проявления социального иждивенчества, не только повышая экономическую нагрузку на занятое население, но и подрывая эффективность социальных расходов. Кроме того, получившее широкое распространение явление социального паразитизма представляет угрозу идеологии социальной солидарности и социальной справедливости, составляющей основу социальной политики.

Необходимость принятия обществом обоснованных мер по сохранению социального равновесия в условиях очевидного распространения практик социального иждивенчества сделала весьма актуальными исследования данного вопроса. Анализ зарубежных публикаций позволяет выделить основные направления изучения социального иждивенчества, отражающие специфику проблем западных государств благосостояния.

Прежде всего, отметим многочисленность источников по проблематике социального иждивенчества, среди них достаточное количество фундаментальных работ, излагающих результаты теоретических исследований историко-социологического генезиса феномена социального иждивенчества [16], составляющих необходимую методологическую основу для эмпирических исследований рассматриваемого вопроса.

Среди источников, отражающих результаты эмпирических и прикладных исследований, наибольшую долю составляют относящиеся к двум основным направлениям, представляющим наибольшую актуальность для современного западного общества:

1) влияние этнической принадлежности на формирование практик социального иждивенчества (паразитизма) и степень их распространенности среди различных этнических групп [17];

2) анализ содержания практик социального иждивенчества среди представителей различных категорий населения, зависимых от помощи государства [18; 19; 20; 21].

Направления исследований социального иждивенчества, их содержание четко коррелируют с особенностями проявления данного феномена в процессе функционирования социальных институтов в рамках welfare state. В связи с этим обстоятельством возникает вопрос о влиянии российской специфики на содержание подобных исследований.

Прежде всего, отметим, что распространение и укоренение практик социального иждивенчества в современной России имеют масштабный характер, что единодушно признается как исследователями, так и представителями социозащитных структур. Следовательно, эффективное решение проблем, связанных с существованием данного феномена, невозможно без формирования научной основы.

Можно выделить несколько специфических характеристик социального иждивенчества, которые должны найти отражение в развитии фундаментальных знаний об этом явлении в современной России, а теоретическая интерпретация категорий, связанных с социальным иждивенчеством, должна быть дополнена с учетом указанных особенностей.

1. Не вызывает сомнений наличие особых исторических условий формирования практик социального иждивенчества в России, связанных с относительной «молодостью» институтов социальной политики и социального государства и специфичностью условий их формирования в советскую и постсоветскую эпоху. Можно утверждать, что явление социального иждивенчества не является порождением и следствием высокого уровня социальных гарантий и качества жизни, что характерно для экономически развитых стран Запада.

2. Гипотетически вырисовывается картина соотношения вынужденной и сознательной зависимости в современном российском обществе, отличающаяся от таковой в странах Запада. Незрелость институтов рыночной экономики и социального государства в России породили серьезные поведенческие деформации среди представителей разных категорий населения, которые увеличивают в структуре социальных иждивенцев долю сознательно зависимых.

3. По причинам, указанным в предыдущих пунктах, наблюдается также «размытость», нечеткость границ между вынужденной и сознательной зависимостью. Представители категорий населения, для которых априори характерно иждивенство, обусловленное объективными причинами, все чаще в своем поведении демонстрируют элементы паразитических стратегий и тактик.

Сказанное обозначает как необходимость, так и перспективные направления проведения теоретико-эмпирических исследований современных российских практик социального иждивенчества с целью уточнения теоретической интерпретации исследуемого феномена с учетом российской специфики и формирования научной основы для принятия эффективных управленческих решений в сфере социальной политики и социальной защиты населения.

Список использованной литературы

1. Кузнецов И. С. Социальное иждивенчество: вызов современности / И. С. Кузнецов // Проблемы устойчивого развития российских регионов : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. — Тюмень, 2016. — С. 349–352.

2. Кузнецов И. С. Роль иждивенчества в системе социального обеспечения / И. С. Кузнецов // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2009. — № 3. — С. 72–75.
3. Мосейко В. В. Социальное государство vs социальное иждивенчество / В. В. Мосейко, Е. А. Фролова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2014. — № 8 (149). — С. 102–107.
4. Шаровская А. В. Социальное иждивенчество как проявление проблемы самоактуализации личности общества потребления / А. В. Шаровская // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 10–1. — С. 205–208.
5. Малышев Д. М. Причины социального иждивенчества / Д. М. Малышев // Научный поиск. — 2017. — № 2. — С. 17–18.
6. Жмакина М. О. Социальное иждивенчество как результат политики социального государства в современном российском обществе / М. О. Жмакина // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. — 2014. — № 6. — С. 399–403.
7. Карпикова И. С. Социальное иждивенчество как феномен современной России: теоретические подходы к исследованию / И. С. Карпикова, Е. В. Зимина // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности : материалы 4-ой междунар. науч.-практ. конф., г. Улан-Удэ, 2–4 дек. 2015 г. — С. 166–167.
8. Малышев Д. М. Социальное иждивенчество как негативное последствие реализации концепции социального государства / Д. М. Малышев // Всероссийский студенческий конвент «Инновация» : сб. материалов, г. Иваново, 01–02 нояб. 2016 г. — Иваново : Изд-во ИГУ, 2016. — С. 241–247.
9. Сидорина Т. Ю. Операция «Welfare State»: решило ли государство всеобщего благосостояния проблемы идеального государства? / Т. Ю. Сидорина // Terra economicus. — 2012. — № 3. — С. 84–99.
10. Шевелева Н. П. Предпосылки формирования социального иждивенчества в среде российской молодежи / Н. П. Шевелева, И. С. Кузнецов // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 18. — С. 21–23.
11. Вебер М. Понятие социологии и «смысла» социального действия / М. Вебер // Общая социология. Хрестоматия / под ред. Н. И. Лапина. — М. : Высш. шк., 2006. — С. 39–43.
12. Басин М. А. Иждивенческая позиция личности маргинальной женщины, находящейся в трудной жизненной ситуации, как негативный фактор социализации ребенка / М. А. Басин, С. К. Хайдов // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения : сб. науч. ст. / ред. В. Н. Ослон, Е. В. Селенина. — М., 2013. — С. 125–134.
13. Goldberg C. A. Robert Park's marginal man: the career of a concept in American sociology / C. A. Goldberg // Laboratorium. Журнал социальных исследований. — 2012. — № 2. — С. 199–217.
14. Шурупова М. Ф. Социологический метод Эмиля Дюркгейма и современная теория девиантного поведения / М. Ф. Шурупова // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. — 2001. — № 167. — С. 191–197.
15. Сидорина Т. Ю. Два века социальной политики / Т. Ю. Сидорина. — М. : Изд-во РГГУ, 2005. — 442 с.
16. Fraser N. A genealogy of dependency: tracing a keyword of the U.S. welfare state / N. Fraser, L. Gordon // Signs. — 1994. — Vol. 19, no. 2. — P. 309–336.
17. Borjas G. Ethnicity and the intergenerational transmission of welfare dependency / G. Borjas, G. Sueyoshi // National Bureau of Economic Research Working Paper. — 1997. — № 6175. — P. 1–37.
18. Bradshaw J. Public attitudes to dependency and the welfare state / J. Bradshaw, E. Mayhew // International Journal of Market Research. — 2004. — Vol 46 (4). — P. 49–63.
19. Kathy D. Breaking the cycle: welfare dependency and family planning [Electronic resource] / D. Kathy // Policy & Practice of Public Human Services. — 2002. — Vol. 60. — No. 4. — Mode of access: <https://www.questia.com/read/1G1-97515215/breaking-the-cycle-welfare-dependency-and-family>.
20. Younes M. Three welfare recipients: the journey from dependency to self-sufficiency [Electronic resource] / M. Younes. — The University of Nebraska-Lincoln : ProQuest

Dissertations Publishing, 1996. — Mode of access: <http://digitalcommons.unl.edu/dissertations/AAI9715992>.

21. Zinn D. Welfare dependency as the language of social control / D. Zinn // Sage sourcebooks for the human services series. — 1987. — Vol. 4. — P. 216–257.

References

1. Kuznetsov I. S. Social dependency: challenge of modernity. *Problemy ustoychivogo razvitiya rossiiskikh regionov : materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, g. Tyumen'* [Problems of sustainable development in Russian regions. Materials of All-Russian Research Conference, Tyumen]. Tyumen, 2016, pp. 349–352. (In Russian).

2. Kuznetsov I. S. Dependency role in social security system. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika = News from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, 2009, no. 3, pp. 72–75. (In Russian).

3. Moseiko V. V., Frolova E. A. Welfare State vs Social Dependence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2014, no. 8 (149), pp. 102–107. (In Russian).

4. Sharovskaya A. V. Social dependency as manifestation of consumer society individual's self-actualization problem. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2012, no. 10-1, pp. 205–208. (In Russian).

5. Malyshev D. M. Social Dependence Problems. *Nauchnyi poisk = Scientific Search*, 2017, no. 2, pp. 17–18. (In Russian).

6. Zhmakina M. O. Social dependence as a result of social state policy in modern Russian society. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo = Sociology in Modern World: Science, Education, Creativity*, 2014, no. 6, pp. 399–403. (In Russian).

7. Karpikova I. S., Zimina E. V. Social dependency as a phenomenon of modern Russia: theoretical approaches to research. *Formy i metody sotsial'noi raboty v razlichnykh sferakh zhiznedeyatel'nosti : materialy 4-oi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Ulan-Ude, 2-4 dek. 2015 g.* [Forms and methods of social work in various spheres of life. Materials 4th of International Research Conference, Ulan-Ude, 2-4 dec. 2015]. Ulan-Ude, 2015, pp. 166–167. (In Russian).

8. Malyshev D. M. Social dependency as a negative consequence of the social state concept implementation. *Vserossiiskii studencheskii konvent «Innovatsiya». Sbornik materialov, g. Ivanovo, 01–02 noyab. 2016 g.* [All-Russian Student Convention «Innovation». Collection of Materials, Ivanovo, November 1-2, 2016]. Ivanovo State University Publ., 2016. pp. 241–247. (In Russian).

9. Sidorina T. Yu. The «Welfare State» Campaign: Has it Decided the Problems of the Ideal State? *Terra economicus*, 2012, no. 3, pp. 84–99. (In Russian).

10. Sheveleva N. P., Kuznetsov I. S. Preconditions of Social Dependency of Russian Youth. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2015, no. 18, pp. 21–23. (In Russian).

11. Veber M. Concept of sociology and «meaning» of social action. In Lapin N. I. (ed.) *Obshchaya sotsiologiya. Khrestomatiya* [General Sociology. Chrestomathy]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2006, pp. 39–43. (In Russian).

12. Basin M. A., Khaidov S. K. Dependent position of a marginal woman's personality in difficult life situations as a negative factor of child's socialization. In Oslon V. N., Selenina E. V. (eds) *Psikhicheskaya deprivatsiya detei v trudnoi zhiznennoi situatsii: obrazovatel'nye tekhnologii profilaktiki, rehabilitatsii, soprovozhdeniya* [Mental deprivation of children in difficult life situations: educational technologies for prevention, rehabilitation, support]. Moscow, 2013, pp. 125–134. (In Russian).

13. Goldberg C. A. Robert Park's marginal man: the career of a concept in American sociology. *Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy = Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2012, no. 2, pp. 199–217. (In Russian).

14. Shurupova M. F. The Emile Durkheim's Sociological Method and the Contemporary Theory of Deviation. *Izvestiya Sankt-Peterburgskoi lesotekhnicheskoi akademii = News of the Saint Petersburg State Forest Technical Academy*, 2001, no. 167, pp. 191–197. (In Russian).

15. Sidorina T. Yu., Gordon L. Dva veka sotsial'noi politiki [Two centuries of social policy]. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2005. 442 p.
16. Fraser N., Gordon L. A genealogy of dependency: tracing a keyword of the U.S. welfare state. *Signs*, 1994, vol. 19, no. 2, pp. 309–336.
17. Borjas G., Sueyoshi G. Ethnicity and the intergenerational transmission of welfare dependency. National Bureau of Economic Research Working Paper, 1997, no. 6175, pp. 1–37.
18. Bradshaw J., Mayhew E. Public attitudes to dependency and the welfare state. *International Journal of Market Research*, 2004, vol 46 (4), pp. 49–63.
19. Kathy D. Breaking the cycle: welfare dependency and family planning. *Policy & Practice of Public Human Services*, 2002, vol. 60, no. 4. Available at: <https://www.questia.com/read/1G1-97515215/breaking-the-cycle-welfare-dependency-and-family>.
20. Younes M. Three welfare recipients: the journey from dependency to self-sufficiency. The University of Nebraska-Lincoln, ProQuest Dissertations Publishing, 1996. Available at: <http://digitalcommons.unl.edu/dissertations/AAI9715992>.
21. Zinn D. Welfare dependency as the language of social control. *Sage sourcebooks for the human services series*, 1987, vol. 4, pp. 216–257.

Информация об авторе

Карпикова Ирина Серафимовна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра социальной и экономической психологии, социологии и социальной работы, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: karpikovais@bgu.ru.

Author

Irina S. Karpikova — PhD in Economics, Associate Professor, Chair of Social and Economic Psychology, Sociology and Social Work, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk; e-mail: karpikovais@bgu.ru

Для цитирования

Карпикова И. С. Особенности теоретической интерпретации феномена социального иждивенчества в условиях российского социума / И. С. Карпикова // *Baikal Research Journal*. — 2017. — Т. 8, № 4. — DOI : [10.17150/2411-6262.2017.8\(4\).9](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(4).9).

For Citation

Karpikova I. S. Features of theoretical interpretation of the social dependency phenomenon in terms of Russian society. *Baikal Research Journal*, 2017, vol. 8, no. 4. DOI: [10.17150/2411-6262.2017.8\(4\).9](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(4).9). (In Russian).